

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АНАТОЛІЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА ЕГОРОВА.

Къ новому мѣсту служенія моего въ Москву я прибылъ, сколько мнѣ помнится, во второй половинѣ Января мѣсяца 1866 года.

Тотчасъ по прибытіи моемъ я, разумѣется, явился къ моему новому начальнику, отдѣльному цензору по иностранной цензурѣ Владимиру Максимовичу Ведрову. Уже изъ рассказовъ о немъ, я понялъ, что буду имѣть дѣло хотя и съ образованнымъ, но достаточно взбалмошнымъ человѣкомъ. что на самомъ дѣлѣ и оказалось.

Бывшій профессоръ всеобщей исторіи въ Казанскомъ университетѣ, Ведровъ, послѣ какой-то непріятной исторіи съ своими коллегами профессорами этого университета, попалъ цензоромъ въ Москву. Какъ всесторонне образованный человѣкъ, несомнѣнно имѣлъ онъ свои достоинства и хотя не вполне отвѣчалъ своему новому назначенію, не умѣя говорить ни на одномъ иностранномъ языкѣ, но теорически зналъ ихъ и не затрудняясь давалъ отзывы о прочитанныхъ имъ книгахъ. Припоминая эту особенность языковѣднія моего перваго начальника по иностранной цензурѣ, я долженъ сказать, что впоследствии мнѣ приходилось имѣть дѣло въ этой специальной цензурѣ съ такими сослуживцами, которые, не зная вовсе иностранныхъ языковъ, ни теорически, ни практически, прелюбопытно фигурировали въ ней въ роли цензоровъ, возбуждая удивленіе умнѣемъ выворачиваться въ критическіе моменты изъ „паскуднаго положенія“... Но если съ этой стороны Ведровъ стоялъ головою выше такихъ фальсифицированныхъ полиглотовъ, то съ другой онъ, по суетливости и мелочности своего характера, могъ также одержать верхъ надъ любой капризной бабой. Немного надо было мнѣ времени, чтобы понять, что если я избавился отъ печальной доли влачить свое существованіе на развалинахъ Симбирскаго пожарища, за то здѣсь, въ столицѣ, гдѣ жизнь сулила мнѣ

столько пріятныхъ перспективъ, я нарвался на человѣка, отъ неуживчивости права котораго жизнь эта будетъ мнѣ отравлена.

Со свойственной молодости жизнерадостностью, я принялся, однако, не теряя бодрости духа, за новое служебное дѣло и за ознакомленіе съ новой жизненной обстановкой моей. Не имѣя тогда, по роду моей канцелярской обязанности, никакого прямого отношенія къ самому процессу цензирования, я находилъ мою новую обязанность уже тѣмъ пріятной, что въ ней мнѣ приходилось значительно менѣе удѣлять времени канцелярщинѣ и отдавать его больше на просмотръ книгъ и журналовъ на языкахъ всего свѣта. Уже одно соприкосновеніе къ такого рода работѣ давало мнѣ возможность расширить мой кругозоръ и развить умъ при выборѣ чтенія по вкусу и по желанію. Въ этомъ отношеніи служба по иностранной цензурѣ имѣетъ несомнѣнно свои пріятныя стороны передъ всякой другой. Но рядомъ съ этимъ мнѣ приходилось очень туго по части матеріальной: я получалъ весьма скудное содержаніе. Особенно чувствительнымъ для меня былъ этотъ недостатокъ въ первое время, пока канцелярія Московскаго отдѣльнаго цензора по иностранной цензурѣ и комитетъ внутренней цензуры помѣщались въ нижнемъ этажѣ зданія стараго Университета, и я не имѣлъ казенной квартиры, которая мнѣ была предоставлена уже позднѣе. Перемѣщеніе названныхъ цензурныхъ учрежденій изъ занимаемаго ими помѣщенія въ зданіе принадлежащее Министерству Народнаго Просвѣщенія, отъ котораго они тогда отошли въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, въ Шереметевскій переулокъ, въ домъ княгини Мещерской, совершилось черезъ годъ по прибытіи моемъ въ Москву. Тогда только я нѣсколько оправился, имѣя прекрасную даровую квартиру въ двѣ комнаты съ отопленіемъ, и зажилъ какъ слѣдуетъ вмѣстѣ съ братомъ Несторомъ (нынѣ д. ст. сов., занимающій должность председателя Мирового Съѣзда въ Варшавѣ и члена консультаціи при Министерствѣ Юстиціи), только что окончившимъ тогда гимназію въ Харьковѣ и поступившимъ сначала на математическій факультетъ Московскаго Университета, а потомъ перемѣнившій его на юридическій.

Первымъ председателемъ Московскаго Цензурнаго Комитета по внутренней цензурѣ, по введеніи новаго устава о цензурѣ и печати и по назначенія въ Петербургъ начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати сенатора М. П. Щербинина, былъ Н. П. Мансуровъ, назначенный на эту должность изъ Самарскихъ губернаторовъ. Это былъ природный бюрократъ-карьеристъ, который, не особенно утруждая себя службой, успѣлъ въ послѣдствіи, имѣя большія связи въ Петербургѣ, добратся благополучно до предѣла чиновничьихъ стремле-

ній—Члена Государственнаго Совѣта. Долженъ однако отмѣтить, что онъ относился, какъ къ моему двоюродному брату, который былъ при немъ секретаремъ Московскаго Комитета, такъ и ко мнѣ, человѣку ему не подчиненному, весьма доброжелательно.

Что касается цензурской коллегіи, то въ составѣ ея (первомъ по сформированіи Московскаго комитета внутренней цензуры по Уставу 1865 года я засталъ слѣдующихъ лицъ: Росковшенку, Ѳедорова, Рахманинова, Прибиля и Безсомыкина. Двое первыхъ смѣнили Мансурова поочередно въ предсѣдательствованіи въ названномъ Комитетѣ, а о послѣднемъ изъ нихъ я буду имѣть случай говорить еще. Относительно же остальныхъ могу сказать, что цензоръ Рахманиновъ слылъ за человѣка выдающагося ума, Прибиль былъ родственникомъ сенатора Щербинина, а о Безсомыкинѣ, что онъ отличался своими чудачествами, изъ коихъ слѣдующее было извѣстно о немъ чуть-ли не всей Москвѣ. Страшась болѣе всего умереть внезапной смертью на улицѣ, онъ постоянно носилъ при себѣ въ боковомъ карманѣ виць-мундира записку такого содержанія: сей трупъ принадлежитъ дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Ивановичу Безсомыкину, живущему тамъ-то. Былъ онъ человѣчкомъ небольшого роста, типичнаго Московскаго стариннаго склада, образованный, весьма вѣжливый и со всѣми очень обходительный. Всѣ они теперь уже покойники. Миръ праху ихъ!

Черезъ два года по нахожденіи моемъ въ цензурѣ, я, одновременно съ нею, а именно съ Ноября 1868 г., принялъ предложенную мнѣ должность помощника правителя дѣлъ въ канцеляріи Совѣта высочайше утвержденного Московскаго Благотворительнаго Общества 1837 г., правителемъ дѣлъ котораго былъ камергеръ Панинъ. Попалъ я на эту должность по настоянію покойнаго дяди моего, директора Межевого архива, Дмитрія Андреевича Егорова, пожелавшаго почему-то ввести меня въ кругъ Московскаго высшаго общества. Предсѣдательницей названнаго благотворительнаго общества была маститая, 80-ти лѣтняя столбовая дворянка и коренная Москвичка Татьяна Александровна Савина, жившая въ собственномъ старинной архитектуры домѣ съ бѣлыми колоннами и лѣпными украшеніями на Арбатѣ. Женщина она была властнаго характера и типичной наружности, носила постоянно чепецъ съ рюшами на сѣдой головѣ и платя стариннаго фасона на худошавой, высокой и прямой фигурѣ своей. По воспитанію своему это была одна изъ послѣднихъ представительницъ Русскаго высшаго общества временъ Александра I. По французски она говорила и писала безупрочно, а по русски говорила по наслышкѣ отъ деревенскихъ бабъ. Она, напримѣръ, произносила слова такъ: рабенокъ, секлетарь, пришпектъ и т. п.

Дядя мой, далеко не свѣтскій человѣкъ и оригиналъ большой руки, родившійся и умершій въ Москвѣ никуда изъ нея ни разу не выѣзжавшій, имѣлъ собственный небольшой деревянный домъ на Зубовскомъ бульварѣ, не далеко отъ дома сестры своей, Екатерины Андреевны Прониной, находившагося противъ церкви Троицы въ Зубовѣ, въ началѣ Дѣвичаго поля. Онъ былъ большой знатокъ по части гражданскихъ дѣлъ, и это обстоятельство побудило Т. А. Савину, имѣвшую вѣчно какіе-то процессы по своей Смоленской вотчинѣ, познакомиться съ нимъ и на столько помнитъ его, что безъ его совѣта и апробаціи она ничего не предпринимала. Въ виду такого отношенія къ дядѣ моему, она оказывала и мнѣ особенное свое благорасположеніе и требовала, чтобы я непрѣменно бывалъ у нея каждое Воскресеніе вечеромъ, когда она принимала своихъ знакомыхъ и дамъ-патронессъ, въ числѣ коихъ я припоминаю слѣдующихъ: кавалерственную даму генеральшу Чертову, Стрекалову, княгиню Трубецкую, графиню Олсуфьеву, фрейлину Тютчеву, Ершову и пр. По поводу первой изъ нихъ ходилъ тогда анекдотъ, будто она, будучи дѣвицей, долго отказывала своему жениху генералу Чертову, не рѣшаясь носить его демоническую фамилію, но подъ конецъ согласилась и написала своей подругѣ: „malgré tout, je suis devenue diablesse!“ Ею оставленъ по завѣщанію значительный капиталъ на учрежденіе института въ Москвѣ, который нынѣ и находится на Пречистенкѣ и носить ея имя. Эти барыни были попечительницами надъ находившимися въ вѣдѣніи нашего общества женскими руководѣльными школами, размѣщеннымъ по всей обширной Бѣлокаменной, и каждая изъ этихъ попечительницъ вносила свою долю благотворительной заботливости о питомцахъ ввѣренной ей школѣ, откуда выходили не столько грамотныя дѣвушки, сколько умѣлыя швеи и мастерицы по женскимъ руководѣліямъ. Для меня самымъ пріятнымъ временемъ посѣщенія этихъ школъ былъ Ноябрь мѣсяцъ, когда въ нихъ происходили экзамены. Тогда каждая изъ этихъ знатныхъ барынь устраивала въ своей школѣ роскошный завтракъ, соперничая въ изысканности яствъ одна передъ другой, такъ какъ кромѣ предсѣдательницы всѣхъ попечительницъ служившихъ въ Обществѣ, приглашался на него, вмѣсто немоцнаго владыки митрополита Филарета, первый викарій его, епископъ Леонидъ, любимицъ всѣхъ этихъ барынь. На меня возлагалась обыкновенно миссія приглашенія его, и я не разъ бывалъ у него по этому поводу у него на подворіи на Тверской, гдѣ всякій разъ поражался массою удивительной работы подушекъ: этими подношеніями его поклонницъ были завалены у него въ два ряда его диваны. Преосвященный этотъ, надо сказать, былъ дворянскаго происхожденія, служилъ во флотѣ и имѣлъ, при пріятной наружности, свѣт-

скія манеры, чѣмъ и плѣнялъ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ сношеніе, а особенно барынь. И ужъ какіе-же закатывали онѣ ему завтраки! Завтраки эти были конечно постные, но приготовленные первоклассными поварами и сервированные на фамилныхъ золотыхъ, серебрянныхъ и фарфоровыхъ сервизахъ, съ ихъ гербами и лакеями въ дивреяхъ цвѣта ихъ гербовыхъ щитовъ, что представляло, по контрасту со скромной школьной обстановкой, среди которой завтраки давались, совсѣмъ необычайное и интересное для наблюденій зрѣлище. Такихъ „постныхъ“ блюдъ, кулебякъ, стерлядей, осетровъ и проч. какъ въ тѣ Ноябрьскіе дни экзаменовъ нашихъ женскихъ школъ, мнѣ болѣе не доводилось ѣсть; да и надо сказать, что вѣдь и тѣхъ баръ что были тогда, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, вскорѣ послѣ упраздненія крѣпостного права, теперь уже и слѣдъ простылъ!.. Ихъ знали еще только тѣ, которые, какъ я, пережили эпоху великихъ реформъ Царя-Освободителя, положившихъ конецъ безшабашной расточительности Россійскихъ феодаловъ.

Посѣщая воскресные вечера моей гостепріимной патронессы, къ которой всѣ въ Москвѣ относились съ особеннымъ уваженіемъ (хотя по мужу своему, она была только всего вдовою поручика) и которую самъ Принцъ Ольденбургскій наѣзжая въ Москву по дѣламъ своего вѣдомства, обязательно посѣщалъ и цѣловалъ ей руку, я имѣлъ возможность познакомиться со многими представителями и представительницами тогдашняго Московскаго общества. У Савиной я, между прочимъ встрѣчалъ Юрія Самарина, прославившагося только что изданной имъ тогда книгой о нашей Остзейской окраинѣ. Однажды я засталъ у нея-же мальчика, лѣтъ 16, въ Лицейской курткѣ, обратившаго на себя мое вниманіе необыкновенной юркостью и умѣніемъ подластиться къ хозяйкѣ дома. Мальчикъ этотъ оказался внукомъ Т. А. Савиной и въ своемъ родѣ тоже знаменитостью, прогремѣвшей впоследствии своими мошенническими подвигами на весь свѣтъ, извѣстный корнетъ Савинъ, дѣйствовавшій больше подъ фамиліями князя Савина, графовъ Тулузь-Лотрека, Ламберта и проч. Можно было уже и тогда предвидѣть, что изъ этого юнца, высидѣвшаго потомъ въ тюрьмахъ стараго и новаго свѣта, не выдетъ добродѣтельнаго человѣка.

Выше я упомянулъ о митрополитѣ Филаретѣ. Въ бытность мою въ Москвѣ, мнѣ пришлось два раза видѣть этаго знаменитаго іерарха Русской церкви и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Въ первый разъ я видѣлъ его еще въ 1858 г., когда я, будучи воспитанникомъ Виленскаго Института, пріѣзжалъ на каникулы къ родителямъ моимъ въ Москву, гдѣ отецъ мой занималъ въ то время должность начальника Инженернаго Округа. Это было 22 Іюля, въ день

Маріи Магдалины и тезоименитства императрицы Маріи Александровны, въ Успенскомъ соборѣ. Отецъ мой взялъ меня съ собой на богослуженіе, чтобы показать мнѣ знаменитаго митрополита Московскаго. Какъ теперь вижу его небольшую худощавую фигуру, въ которой только одни глубокіе и пронизательные глаза горѣли жизненнымъ огнемъ, отражая въ себѣ мощь его духа. Когда наступилъ моментъ проповѣди, Филаретъ вышелъ изъ алтаря и, опираясь на посохъ, произнесъ свое слово твердымъ и отнюдь не старческимъ голосомъ, раздавшимся съ одинаковой силой по всему собору, при затаившей дыханіе сплошной массѣ народа и окружившихъ его со всѣхъ сторонъ архіереевъ и священнослужителей, участвовавшихъ въ богослуженіи. Онъ говорилъ на тему о покаявшихся подобно Маріи Магдалинѣ грѣшникахъ, и проповѣдь эта (находящаяся въ общемъ собраніи его рѣчей) отличалась тѣмъ-же мастерствомъ богословскаго изложенія и языка, соперничать съ которымъ могъ съ нимъ развѣ только другой знаменитый духовный витія нашей церкви—архіепископъ Херсонскій Иннокентій. На меня, какъ самая наружность проповѣдника и особенно необыкновенное выразеніе его удивительныхъ глазъ, такъ и его проповѣдь, произвели сильное, до сихъ поръ неизгладимое впечатлѣніе, хотя съ тѣхъ поръ прошло полвѣка... Въ другой разъ, я видѣлъ того-же святителя девять лѣтъ спустя, въ 1867 г., уже въ гробу, въ Чудовомъ монастырѣ. Долго ходившая по Москвѣ молва о болѣзненномъ состояніи, происходившемъ отъ старческой немощи почти девяностолѣтняго архипастыря, завершилась наконецъ его вѣчнымъ сномъ. Помню его похороны. Я находился на Тверской, гдѣ была вся Москва, въ ожиданіи прохода печальной процессіи изъ митрополичьяго дома въ Чудовъ монастырь въ Кремлѣ. Еще ничего не видя, можно было догадаться о выходѣ ея съ мѣста по пробѣжавшему въ сплошной народной массѣ движенію, словно отъ электрическаго тока. Какой-то стихійный гулъ сопровождалъ колесницу съ гробомъ, становясь постепенно яснѣй и сильнѣй по мѣрѣ приближенія ея къ мѣсту, гдѣ я находился, и, когда наконецъ шествіе поровнялось со мною, гулъ этотъ превратился въ какой-то стонъ, прерываемый криками раздавленныхъ. Устоять на мѣстѣ не было возможности, не рискуя жизнью. Не упомяну въ настоящее время, кто именно изъ іерарховъ былъ во главѣ того необозримаго сонма духовныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ похоронахъ Филарета; но могу сказать, что такого количества архіереевъ, архимандритовъ и прочаго разнаго рода лицъ духовнаго званія мнѣ никогда больше не приходилось видѣть. Здѣсь были представители не только всѣхъ сорока сороковъ церковей Московскихъ, но и многихъ иногороднихъ. Особенное-же вниманіе обращали на себя ряды монашествующихъ изъ всѣхъ древнихъ Московскихъ

мужскихъ и женскихъ монастырей и единовѣрческое духовенство, шествовавшее за гробомъ съ зажженными свѣчами краснаго и зеленаго воска. Сама-же колесница, запряженная двумя лошадьми въ черныхъ пополахъ и девевянный гробъ, покрытый архіерейской мантией, представляли, по контрасту своему со всей остальной духовной процессіей, суровый по скромной простотѣ своей видъ.

Тѣло митрополита Филарета было выставлено на три дня въ Чудовомъ монастырѣ, а затѣмъ перевезено въ Троицко-Сергіевскую Лавру, гдѣ и погребено. Не имѣя возможности протискаться до него днемъ изъ-за массы народа, непрерывнымъ потокомъ осаждавшей Чудовъ монастырь, я проникъ туда въ поздній часъ ночи. Съ лицомъ покрытымъ воздухомъ, лежалъ покойный митрополитъ въ гробу изъ кипарисоваго дерева, на катафалкѣ, среди церкви. На ноги его была возложена святительская мантия, а вокругъ гроба лежали на табуретахъ атрибуты его сана. Только одна сухая рука его виднѣлась изъ его облаченія, и народъ прикладывался къ ней какъ къ нетлѣнной. Монахи въ черныхъ мантияхъ, смѣняясь, читали положенныя при архіерейскихъ похоронахъ Евангелія, и по всему древнему храму, освѣщенному нѣсколькими лампадами и восковыми свѣчами, разносился запахъ ладона, смѣшанный съ запахомъ кипариса отъ гроба съ прахомъ великаго духовнаго витія.

Въ Москвѣ я пробылъ ровно четыре года. Хотя служба моя не приносила мнѣ матеріальнаго довольства, и я долженъ былъ во многомъ себѣ отказывать, но, обладая прирожденной способностью приноровляться къ жизненнымъ обстоятельствамъ, я сумѣлъ лавировать въ столичной жизни благополучно, не отказывая себѣ и въ развлеченіяхъ. Большой интересъ представляла для насъ тогда моему двоюродному брату, секретарю, а впослѣдствіи цензору Московскаго Комитета Н. В. Егорову, пріятелю моему Л. С. Кроткову (съ которымъ я еще въ Симбирскѣ познакомился) и мнѣ бывать въ судебныхъ учрежденіяхъ въ Кремлѣ и высиживать тамъ по цѣлымъ часамъ при разбирательствѣ разныхъ уголовныхъ дѣлъ, выслушивая рѣчи прокуроровъ и адвокатовъ и наблюдая съ особеннымъ вниманіемъ за всей процедурой новаго для Россіи гласнаго суда, введеннаго по волѣ великаго преобразователя Судебными Уставами 20 Ноября 1864 года. коими начата исторія нашей гражданственности.

Первыми пионерами судебной реформы были въ Москвѣ: предсѣдатель Окружнаго Суда Люминарскій и товарищи его Андреевскій-Синеоковъ, Дейеръ и Арсеньевъ. Они старались всячески подчеркнуть независимость новаго суда, а Е. Е. Люминарскій тотъ даже прославился тѣмъ, что встрѣтилъ самаго министра юстиціи графа Палена,

посѣтившаго Московскій Окружной Судъ, не на крыльцѣ, а занимаясь у себя въ кабинетѣ. Въ адвокатскомъ же мѣрѣ блисталъ краснорѣчіемъ князь Урусовъ, при первомъ дебютѣ котораго въ судѣ по дѣлу о какой-то дѣвицѣ Маріи, задушившей въ болѣзненномъ припадкѣ родовъ своего вѣббрачнаго ребенка, я присутствовалъ и былъ свидѣтелемъ той оваціи со стороны публики, которая была сдѣлана ему по вынесени присяжными засѣдателями оправдательнаго вердикта этой несчастной жертвѣ темперамента. Все это было ново, невидано и сіяло такимъ разительнымъ контрастомъ съ тьмою отжившаго и безвозвратно погребеннаго суроваго прошлаго нашей горемычной родины, о царившемъ правосудіи въ которой до того И. С. Аксаковъ говоритъ, что при воспоминаніи о немъ „волосъ встаетъ дыбомъ, морозъ по кожѣ деретъ“, что мы, свидѣтели славныхъ дней ея обновленія, съ пламеннымъ восторгомъ встрѣчала всѣ вводимыя и быстро слѣдовавшія одна за другой коренныя реформы въ государственномъ управленіи. То была великая эпоха наивысшаго проявленія творческаго духа въ преобразовательной дѣятельности Царя-Освободителя.

Какъ всякая великая эпоха въ исторіи народовъ, такъ и эта, отразилась также и на родномъ искусствѣ. Никогда еще наша сцена не достигала такой высоты, какъ въ ту незабвенную эпоху. Образцовый Московскій Малый Театръ, всегда и прежде стоявшій впереди прочихъ, дошелъ въ ту пору до зенита своей славы. Такія имена, какъ Щепкинъ, Шумскій, Садовскій, Самаринъ, Живокини, Никифоровъ, Медвѣдева, Васильева, Рыкалова, Ѳедотова, Никулина и Акимова украшали ея подмостки и были кумирами Всероссійскими.

Я видѣлъ на Маломъ театрѣ Щепкина всего разъ въ моей жизни. Это было въ томъ-же 1858 году, когда въ прїѣздъ мой въ Москву видѣлъ я и Филарета. Шла, тогда еще новая пьеса Сухого-Кобылина „Свадьба Кречинскаго“ въ такомъ составѣ исполнителей: Шумскій-Кречинскій, Садовскій-Расплюевъ, Щепкинъ-Муромцевъ, Рыкалова—его жена, Ѳедотова—дочь. Мнѣ много разъ случалось потомъ видѣть ту же пьесу, но такого высоко-художественнаго воспроизведенія ея, въ такомъ составѣ геніальныхъ исполнителей, мнѣ, да и не мнѣ только, а и современнымъ мнѣ и будущимъ поколѣніямъ, на врядъ ли когда-либо прійдется увидѣть, въ этомъ я твердо увѣренъ. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но впечатлѣніе отъ игры этихъ великихъ артистовъ врѣзалось у меня въ памяти до того, что они стоятъ передо мной какъ живые во всемъ недосыгаемомъ своемъ творческомъ величїи, будто я ихъ сейчасъ вижу. Играли-ли они Гоголя, Островскаго, Грибоѣдова, Сухого-Кобылина или Бобарыкина, Дьяченку, Александрова-Крылова—безразлично, даже въ самыхъ пустыхъ по содержанию и

слабыхъ пьесахъ, повсюду они всецѣло перевоплощали себя въ изображаемую ими личность; олицетворяя ее и отрѣшаясь отъ собственной, они давали художественно законченные типы со всеми подобающими чертами и особенностями. Умѣніемъ и тайной такого перевоплощенія владѣють немногіе лицедѣи, и тогда они именуется уже не просто актерами, а артистами. Для такихъ избранниковъ драматическаго искусства не существуетъ слабыхъ, эпизодическихъ ролей: достаточно нѣсколько авторскихъ намековъ, чтобы изъ недомолвленной роли они создали живой сценической образъ. Къ плеядѣ такой категоріи артистовъ Русской сцены я, кромѣ поименованныхъ Москвичей, могу причислить за мое время еще только трехъ на Петербургской сценѣ, а именно: Самойлова, Васильева и Давыдова; но объ нихъ я скажу въ своемъ мѣстѣ. Возвращаясь-же къ игрѣ Московскихъ артистовъ, долженъ сказать, что всякій изъ нихъ, въ своемъ амплуа, не имѣлъ себѣ соперниковъ и конкурентовъ. Таковъ, на примѣръ, Шумскій былъ въ Кречинскомъ; Садовскій—этотъ серіозный комикъ подобнаго которому мнѣ уже не доводилось видѣть, былъ единственъ въ роляхъ Расплюева, Осипа въ „Ревизорѣ“ и во всѣхъ пьесахъ Островскаго; Самаринъ въ характерныхъ роляхъ резонеровъ и драматическихъ, Никифоровъ въ бытовыхъ и эпизодическихъ, Живокини, котораго Московскіе купцы называли „Животина“ за его тучность, смѣшилъ всѣхъ до упаду остроуміемъ и комизмомъ и въ этомъ отношеніи нашелъ себѣ въ послѣдствіи соперника въ Петербургскомъ Варламовѣ, также какъ и онъ, готовомъ жужжать въ роли мухи въ „Орѣѣ въ аду“ и плясать качучу въ женскомъ нарядѣ. Что касается женщинъ, то кто видѣвъ Ѳедотову въ роли Катерины въ „Грозѣ“, или въ „Василисѣ Мелентьевнѣ“, или Никулину въ роляхъ старыхъ дѣвъ, Медвѣдеву и Васильеву въ роляхъ *grande-dame*, а Акимову въ роляхъ свахъ и приживалокъ, тотъ не можетъ забыть игру этихъ удивительныхъ артистокъ и быть имъ неблагодаренъ за минуты высокаго эстетическаго наслажденія. Но не одиѣ эти звѣзды первой величины украшали тогда сцену Малаго театра: были и такія, которыя мерцали на ней не столь ярко, принося на алтарь роднаго искусства и свою посильную лепту, хотя и въ менѣе отвѣтственныхъ, но всегда добросовѣстно и съ должной выдержкой исполненныхъ роляхъ. Таковы были: Вильде, Петровъ, Ѳедотовъ, Степановъ, Музиль, Рябовъ и неизмѣнный лакей и половой—Гельцеръ. Содѣйствуя своей прекрасною игрою успѣху дѣла, они связываютъ въ моемъ воспоминаніи свои имена съ именами своихъ великихъ товарищей по искусству и усиливаютъ то неизгладимое впечатлѣніе, которое осталось во мнѣ отъ общей картины исполненія.

Чтобы постичь, на сколько было совершенно исполненіе пьесъ въ этомъ замѣчательномъ ансамблѣ Московской труппы Малаго театра, я приведу слѣдующій примѣръ. Одно время репертуаръ даваемыхъ въ этомъ театрѣ пьесъ былъ существенно измѣненъ, и вмѣсто драматическихъ произведеній Русскихъ авторовъ, въ немъ стали давать классическія переводныя пьесы иностранныхъ, Шекспира, Шиллера, Мольера, Расина, Кальдерона и проч. И что-же? Тѣ самые исполнители, которые, казалось, были созданы для нашихъ только отечественныхъ писателей, въ такомъ же художественномъ совершенствѣ выполнили эту новую для нихъ задачу. Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть въ Парижѣ въ „Maison Molière“, т. е. въ извѣстномъ театрѣ „Comédie Française“, Тартюфа съ Кокленомъ и съ прочими артистами этого прославленнаго театра, и я вспоминалъ Самарина въ роли Тартюфа и Шумскаго въ роли Оргонта, игра которыхъ въ этихъ роляхъ была несравненно художественнѣе и выше прирожденныхъ Французовъ. Тоже могу сказать и объ „Укрощеніи Строптивой“, видѣнной мной на лучшемъ въ Германіи театрѣ, Мюнхенскомъ, и тутъ игра нашихъ несравненныхъ Москвичей была куда совершеннѣе Нѣмцевъ. „Актеръ, говоритъ Суворинъ по поводу юбилея В. Н. Давыдова, это исключительный художникъ. Онъ не оставляетъ послѣ себя писанныхъ произведеній, не оставляетъ своей души въ нихъ, какъ художники въ картинахъ, въ статуяхъ, какъ писатели въ поэтическихъ произведеніяхъ. Артистическая душа только на сценѣ, и затѣмъ она переходитъ въ устные рассказы, въ анекдоты, воспоминанія, и легенды и чрезъ эту память невидимое вѣяніе руководитъ подроставшимъ поколѣніемъ артистовъ“.

Вотъ именно этимъ сіяніемъ талантовъ, этою артистичностью первыхъ великихъ исполнителей Московской сцены Малаго театра держится и понынѣ въ немъ духъ былого, и еще долго, будемъ надѣяться, пребудетъ онъ въ поколѣніяхъ служителей Русскаго искусства.

Одновременно съ такимъ высокимъ процвѣтаніемъ Малаго театра, отличался въ ту пору своими исполнителями въ Итальянской оперѣ и стоящій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него Большой театръ, одинъ изъ обширнѣйшихъ театровъ въ Европѣ. Тамъ приводили всѣхъ въ восторгъ замѣчательныя пѣвицы: Арто, сестры Маркизіо, Оноре, Феруччи, Бенатти и пѣвцы: Станіо, Падилла, Рота и неизмѣнный Итальянецъ-Москвичъ Финокки. Арто была лучшей ученицей Віардо, и дѣйствительно мнѣ рѣдко доводилось слышать болѣе выработанный голосъ въ сопранныхъ партіяхъ, какъ у нея. Мужъ ея, баритонъ Падилла, былъ также недюжинный пѣвецъ. Сестры Маркизіо отлича-

лись необыкновенной спѣвкой своей въ дуэтахъ, и конькомъ въ ихъ репертуарѣ была „Семирамида“. Теноръ Станіо, обладая прекраснымъ голосомъ и красивой наружностію, производилъ фуроръ въ „Робертѣ“, особенно въ нѣмой сценѣ съ балериной Кеммереръ на монастырскомъ кладбищѣ.

Но кромѣ вокальной части, тогда процвѣтала также и музыкальная въ лицѣ двухъ братьевъ Рубинштейновъ, которыми подѣлились обѣ столицы: первый водворился въ Петербургъ и тамъ основалъ Консерваторію; второй—въ Москвѣ, гдѣ имъ также основана Консерваторія.

Съ Николаемъ Рубинштейномъ и его игрою я познакомился впервые у Погодиныхъ. Большая пріятельница моей матери и жены историка профессора М. П. Погодина, вдова Виленскаго вице-губернатора В. И. Пельская, жила въ то время въ Москвѣ у Погодиныхъ, въ ихъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ, гдѣ занимала тѣ самыя комнаты въ мезонинѣ, гдѣ проживалъ Гоголь. Получивъ однажды приглашеніе отъ нея на одинъ изъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, которые изрѣдка устраивалъ маститый историкъ въ своей извѣстной портретной галлерей Русскихъ писателей, я засталъ тамъ между прочими гостями и Николая Рубинштейна. Послѣ чтенія хозяиномъ дома изъ его исторіи Россіи отрывка о „Несторѣ-Лѣтописцѣ“, сѣлъ за фортепiano Николай Рубинштейнъ и сыгралъ намъ знаменитую рhapsодію Листа такъ, какъ только онъ, Николай, умѣлъ играть. Сильное впечатлѣніе произвело на меня тогда это гениальное произведеніе въ исполненіи такого музыкальнаго колосса. какимъ былъ Московскій Рубинштейнъ; но потомъ, когда я услышалъ въ Петербургѣ игру великаго Антона, я забылъ о братѣ его!.. То былъ поистинѣ царь фортепiano, и о немъ мнѣ придется еще сказать нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, Московская жизнь моя протекала не среди однихъ служебныхъ занятій, но и среди разнообразныхъ удовольствій, а такъ какъ театръ составлялъ для меня предметъ страстнаго обожанія и стоялъ всегда на первомъ планѣ всякихъ удовольствій, то я имѣлъ возможность вдосталь насладиться имъ.

Возвращаясь къ цензурѣ, скажу, что за время нахождения моего въ Москвѣ произошли въ составѣ служащихъ нѣкоторыя перемѣны. Такъ предсѣдатель Цензурнаго Комитета Мансуровъ получилъ назначеніе въ Петербургъ, а мѣсто его занялъ старшій по службѣ изъ цензоровъ Росковшенко. Почти въ тоже время и начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати сенаторъ М. П. Щербининъ ушелъ въ Сенатъ первоприсутствующимъ, а на его мѣсто назначенъ М. Н. Похвисневъ, бывшій Виленскій гражданскій губернаторъ, поступившій туда на эту должность вмѣсто Россета и хорошо знавшій моего отца.

Послѣднее обстоятельство послужило къ немалой моей пользѣ: такъ уже въ Декабрѣ 1869 г. я получилъ отъ предсѣдателя С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета Александра Григорьевича Петрова письмо, въ которомъ онъ предлагалъ мнѣ поступить пока къ нему въ Комитетъ помощникомъ секретаря съ тѣмъ, что, можетъ быть, возможно будетъ перейти мнѣ на высшую должность въ центральный комитетъ иностранной цензуры, при чемъ добавлялъ: „при благорасположеніи М. Н. Похвиснева къ вамъ, можно будетъ что либо для васъ сдѣлать“. Разумѣется, я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и 14 Января 1870 г. былъ назначенъ въ Петербургъ на предложенную мнѣ Петровымъ должность. Но прежде чѣмъ переброситься въ моихъ воспоминаніяхъ изъ Москвы въ Петербургъ, я долженъ еще удѣлить нѣсколько словъ бывшему первому начальнику Главнаго Управленія по дѣламъ печати сенатору Щербинину.

Подъ начальствомъ М. П. Щербинина мнѣ почти не довелось служить, и я съ нимъ познакомился, какъ съ дальнимъ родственникомъ, только по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Какъ личность, онъ былъ человекъ стараго закала, весьма образованный чиновникъ Воронцовской школы. Онъ состоялъ управляющимъ канцеляріею, когда графъ, а впослѣдствіи князь Воронцовъ, былъ намѣстникомъ на Кавказѣ. Въ благодарную память о своемъ начальникѣ, онъ посвятилъ ему книгу съ описаніемъ его біографіи и объ управленіи имъ Новороссійскимъ и Кавказскимъ краями.

Покойный М. П. Щербининъ очень любилъ вспоминать свое прошлое; но, къ сожалѣнію, изъ всѣхъ разсказовъ его у меня остался въ памяти только одинъ, и то относящійся еще ко времени предсѣдательства его въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ.

„Въ одинъ изъ Царскихъ пріѣздовъ въ Москву, рассказывалъ онъ, пришлось мнѣ выдержать большое испытаніе. Аксаковъ издавалъ тогда свой „День“ въ Москвѣ, и вотъ въ цензуру была представлена одна изъ его статей для этого журнала, которая была запрещена. Получаю вдругъ приглашеніе отъ генераль-губернатора кн. Долгорукаго пожаловать къ нему. Являюсь. Встрѣчаетъ меня князь заявленіемъ, что императрица Марія Александровна, находившаяся тогда вмѣстѣ съ Государемъ въ Москвѣ, по просьбѣ фрейлины Тютчевой (сестра которой была за Аксаковымъ) желаетъ, чтобы запрещенная нами статья была непременно напечатана въ „Днѣ“. Собираю цензоровъ, перечитываемъ еще разъ эту статью и находимъ ее положительно невозможной, о чемъ я и сообщаю князю Владимиру Андреевичу. Не тутъ-то было! Императрица приказала мнѣ вторично сказать черезъ министра двора графа Адлерберга, что она непременно желаетъ, чтобы статья

появилась въ „Днѣ“. Отвѣчаю опять, что, по долгу службы, я, къ огорченію моему, не могу исполнить волю Ея Величества. Назначается балъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, и я получаю приглашеніе. Государь, проходя мимо и увидя меня, дѣлаетъ рукой знакъ, чтобы я подошелъ къ нему. Когда я поспѣшилъ приблизиться, онъ задаетъ мнѣ вопросъ, правда-ли, что я отказалъ Императрицѣ въ просьбѣ на счетъ дозволенія статьи Аксакова? Отвѣчаю утвердительно и привожу причину мою отказа.— „И прекрасно сдѣлалъ“, сказалъ Александръ II, подавъ мнѣ милостиво руку*).

Досадую очень, что не могу припомнить содержанія Аксаковой статьи, подавшей поводъ къ неудовольствію съ одной стороны и одобренію съ другой и заставившей пережить нѣсколько непріятныхъ дней рассказчику.

Къ этимъ немногимъ строкамъ прибавлю выписки изъ тѣхъ циркулярныхъ распоряженій, которыя были изданы въ то время и которыя характеризуютъ правительственную власть перваго періода вступленія въ силу Устава о цензурѣ и печати 1865 года.

14 Декабря 1865 г. № 747.

Циркулярное распоряженіе, въ которомъ относительно пожара 1864 г. въ г. Симбирскѣ сказано:

„Въ послѣднее время напечатаны были въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, на основаніи частныхъ корреспонденцій, и затѣмъ перепечатаны въ нѣкоторыхъ С. Петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ, извѣстія и слухи касательно подробностей производившагося въ г. Симбирскѣ разслѣдованія о причинахъ бывшихъ тамъ въ 1864 г. пожаровъ. Такъ какъ означенное дѣло подлежитъ еще дальнѣйшему производству, то, до окончательнаго его разъясненія и преданія виновныхъ суду по закону, преждевременное оглашеніе упомянутыхъ извѣстій и слуховъ не можетъ не препятствовать существенно успѣшному движенію слѣдственныхъ розысканій и пр.“

Сообщая объ этомъ, начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, сенаторъ М. П. Щербининъ предлагаетъ подвѣдомственнымъ ему цензурнымъ учрежденіямъ „неуклонно руководствоваться изложенными соображеніями, при просмотрѣ сочиненій и поврежденных изда-

*) Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, Государыня Марія Александровна приказала тогдашнему предсѣдателю Опекунскаго Совѣта князю Н. И. Трубецкому передать М. Н. Каткову ея желаніе, чтобы не распространяться въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ о посѣщеніи Императоромъ Московскихъ женскихъ учебныхъ учрежденій. Князь Трубецкой, видѣвшій въ Катковѣ только газетчика, считалъ для себя неумѣстнымъ ѣхать къ Каткову и приказалъ своему чиновнику М. П. Полуденскому передать Каткову это желаніе Государыни. (Слышано отъ М. П. Полуденскаго). П. Б.

ній, въ которыхъ не должны быть допускаемы никакія извлеченія изъ вышеупомянутыхъ статей о Симбирскихъ пожарахъ или полемики по этому поводу“.

14 Мая 1866 г. № 939.

Конфиденціально сообщается сенаторомъ Щербининымъ подвѣдомственнымъ учрежденіямъ, что министръ Императорскаго Двора сообщилъ о желаніи Государя Императора, чтобы кромѣ предположенной къ сооруженію у Лѣтняго Сада часовни, въ ознаменованіе Божественной благодати, охранившей Его Величество отъ опасности, что либо напоминало и могло увѣковѣчить преступное покушеніе на царубійство. О такомъ высочайшемъ повелѣніи предлагается строго наблюдать, „чтобы преступное покушеніе на жизнь Его Величества не было изображено въ рисункахъ, картинахъ и другихъ художественныхъ произведеніяхъ подлежащихъ просмотру“.

28 Іюня 1866 г. № 1497.

Имъ-же циркулярно по вѣдомству предлагается сдѣлать немедленное распоряженіе, чтобы въ повременныхъ изданіяхъ подлежащихъ предварительному разсмотрѣнію, впредь, отнюдь не были напечатаны, безъ испрошенія на то каждый разъ особаго разрѣшенія, „никакія извѣстія касательно посѣщенія женскихъ учебныхъ заведеній Ихъ Императорскими Величествами“.

23 Сентября 1866 г. № 1935.

Щербининъ-же дѣлаетъ распоряженіе по цензурному вѣдомству о недопущеніи къ перепечатанію сочиненія подъ заглавіемъ „Война кухарки съ барыней или нашла коса на камень, Петербургъ, исторійка Нестора Око“, изд. второе, дозволенное въ Москвѣ въ 1866 г., такъ какъ „означенная книга, по своему стремленію возстановить прислугу противъ хозяевъ, можетъ при распространеніи произвести весьма вредное вліяніе на нѣкоторую часть общества“.

Анатолій Егоровъ.

